

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УБЕЖДЕНИЯ

Г. В. ЩЕРБАКОВА

XXIV съезд КПСС отметил, что «формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, высоких идейно-политических качеств, норм коммунистической морали остается и впредь центральной задачей идеологической работы партийных организаций»¹⁾. Задача формирования научного мировоззрения у всех тружеников социалистического общества была поставлена Программой КПСС в связи с назревшей объективной необходимостью воспитания нового человека коммунистического общества. Результатом этого явилось возрастание интереса в марксистской философии к вопросам, связанным с анализом содержания понятия «мировоззрение», выяснением его сущности и специфики, определением места мировоззрения в системе общественного и индивидуального сознания, изучением путей формирования научного мировоззрения и т. п. Обилие и разнообразие высказанных по этим вопросам точек зрения позволяет сделать выводы, что решение задачи формирования научного мировоззрения в значительной степени зависит от теоретической разработки отдельных конкретных сторон проблемы. Одной из таких сторон является вопрос об убеждении.

Чтобы понять сущность убеждения и раскрыть причину его активной роли в деятельности субъекта, недостаточно рассматривать его только с гносеологической стороны, ибо оно представляет собой единство отражения объекта субъектом и отношения субъекта к объекту и его отражению в сознании. Последнее, т. е. отношение субъекта к объекту и к знанию о нем, находит свое выражение в эмоциях, стремлениях и оценках и определяется как особенностями объекта, так и особенностями субъекта и прежде всего его потребностями и интересами. Учитывая важность эмоциональной стороны убеждения, мы считаем необходимым уделить внимание психическому состоянию, сопровождающему процесс формирования убеждений, которое обозначается словом «вера».

Вера часто считается лишь религиозным чувством, несмотря на то, что она является объективным свойством человеческой личности, связанным с социальной природой человека и с теми путями получения им информации, которые оказывают значительное влияние на характер

¹⁾ Резолюция XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС. «Правда», 1971, 10 апреля, стр. 4.

поведения человека и на его мировоззрение. Осознанная истина может сопровождаться как уверенностью, так и неуверенностью. Только в союзе с уверенностью знание становится убеждением и в этой форме, объективируясь, изменяет действительность. Последнее как раз и возможно благодаря вере субъекта в преобразовательную способность содержания убеждений. Таким образом, как психологическое состояние вера присуща всем людям. Различия заключаются в том, во что и в какой степени верят.

Неразработанность вопроса о роли веры человека в философии диалектического материализма позволяет идеализму и религии довольно успешно пользоваться этим понятием для утверждения своих положений. А ведь еще Ф. Энгельс обращал внимание на необходимость различения веры религиозной и веры научной. Он писал: «Не верить, чтобы понимать», как у Ансельма Кентерберийского, а «понимать, чтобы верить: вечно возобновляющаяся борьба против слепой веры»²⁾.

Историко-философский анализ рассматриваемой проблемы показал, что понятие «вера» находится во взаимосвязи с самыми различными категориями и прежде всего не только со знанием и убеждением, но и с такими, как чувство, потребность, интерес, оценка, цель, воля и действие, которые выражают факторы, непосредственно влияющие на формирование научных убеждений. Поэтому рассмотрение веры через взаимосвязь с какой-то одной категорией не может дать полного представления о ее природе (а такой подход как раз свойствен для многих представителей немарксистской философии), вследствие чего до сих пор и не было выработано достаточно всестороннего, научно обоснованного понимания веры, не были выяснены ее гносеологическая сущность и социальная роль. Именно потому и возникает необходимость разработки вопроса о природе веры в марксистской литературе.

С попыткой дать определение веры и раскрыть ее природу с точки зрения системно-структурного подхода к познанию мы встречаемся в работе Г. Г. Вдовиченко. Этот автор считает веру категорией психологии, употребляя ее в одном смысле с понятием «убежденность». Он ставит ее в зависимость от знания, цели, воли и действия, в связи с чем заключает, что вера постоянно находится в развитии, поскольку компоненты, влияющие на нее, изменяются непрерывно сами. Признавая значение веры для познания субъектом действительности, Г. Г. Вдовиченко видит ее роль также в том, что она является одной из форм связи предшествующих и последующих систем знания и тем самым оказывает влияние на развитие науки. Кроме того, как определенный элемент процесса познания вера, по мнению Г. Г. Вдовиченко, выступает формой взаимозависимости коллектива и личности. Таким образом, автором отмечаются не только познавательная и психологическая функции веры, но и ее социальная функция, что лишней раз наводит на мысль о свойственности веры человеческому интеллекту (эту точку зрения высказывали Аристотель, Локк, Гегель и др.). Правда, все вышеназванные моменты не нашли достаточно четкого отражения в определении веры, характеризующем ее как «способность восприятия знаний как истинных и возникновения убежденности на основе разрешения противоречия в процессе познания между информацией, полученной на основе собственного опыта и приобретенной на основе общественной познавательной деятельности»³⁾. Но достоинством данного определения является

²⁾ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 300.

³⁾ Г. Г. Вдовиченко. Проблема структуры в теории отражения. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. докт. фил. наук. Киев, 1969, стр. 30.

го, что в нем вера раскрывается со стороны ее способности ориентировать познание на истинное отражение действительности.

Более определенной выглядит формулировка понятия «вера», данная А. Н. Раевским и А. В. Антоновым. Вера, с их точки зрения, — это «психический процесс, проявляющийся в чувственно-эмоциональной сфере и фиксирующий в ней или в интеллекте результаты процесса оценочной деятельности личности по определению степени истинности информации, поступающей из реального мира»⁴). В этом понимании, как мы видим, вера раскрывается со стороны своего основания, формы и условий возникновения. Становится ясно, что она вызвана информационным недостатком и связана с ценностным отношением к знанию, поскольку речь идет об определении степени его истинности; что возникает вера на уровне чувственно-эмоционального отражения действительности; что по форме выражения она может быть отнесена как к разряду эмоций, так и к разряду понятий. (О вере на уровне понятийного отражения действительности лучше всего говорить как об убеждении). Но это определение выглядит неполным, ибо в нем не нашла непосредственного отражения социальная детерминированность веры, о которой говорит Г. Г. Вдовиченко. А ведь наличие этого момента в характеристике веры является одной из тех черт, которые отграничивают веру как сознательное психическое явление от всех форм приспособления и реакций, присущих животным.

Тем не менее утверждение о появлении веры на различных уровнях отражения действительности представляет собой определенный интерес, ибо наводит на мысль о возникновении веры на бессознательном уровне на какой-то врожденной основе. Раевский и Антонов специально подчеркивают в другом месте работы, что вера способна возникать как на бессознательном, так и на сознательном уровнях психической деятельности субъекта⁵). Они обосновывают данное утверждение фактами, имеющими место в педагогической деятельности и в практике психотерапии, суть которых сводится к тому, что наряду с методом убеждения широко используется метод внушения. Если первый формирует веру на сознательном уровне, то второй — преимущественно на бессознательном.

Говоря о вере как о чувственно-эмоциональном элементе психики человека, мы тем самым относим ее к категории явлений сознания, вырастающих из установки, которая сама возникает на основе определенных условных рефлексов на постоянное отношение между потребностями и ситуацией. Представляя собой целостное психо-физиологическое состояние субъекта, установка, по словам Д. Н. Узнадзе, не будучи сознательным психическим моментом, оказывает влияние на содержание и течение всей сознательной психики человека. Она выражает собой основную, изначальную реакцию субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи. В связи с этим установка, говорит Д. Н. Узнадзе, «как бы предваряет решение задачи, как бы заранее включает в себя направление, в котором задача должна быть разрешена»⁶). Выражаясь как готовность восприятия, она лежит в основе сознательных психических состояний и их проявлений, как-то: чувств и эмоций, воли, знаний, действий и т. п. Иными словами, в установке как в определенной целостности хранятся в зачатке все возможности сознательной психической деятельности и, в частности,

⁴) А. Н. Раевский и А. В. Антонов. Психологические особенности информационного обслуживания и пути повышения его эффективности. Киев, 1967, стр. 32.

⁵) Там же, стр. 34.

⁶) Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 153.

такая из них как возможность верить. Отсюда рассмотрение веры через взаимосвязь с установкой делает понятной зависимость веры от потребностей и прежде всего от доминирующей из них, а также от ситуации, которая, повторяясь, приводит к возникновению опыта и способствует появлению готовности к определенному мотивированному поведению. Поскольку установка проявляется в момент принятия решения действовать и осознания его, т. е. в момент возникновения мотива действия, постольку именно тогда же начинает обнаруживать себя и свои свойства вера, как и другие сознательные психические состояния. По-видимому, как раз этот факт и позволил Э. В. Соколову определить верования как «эмоциональные установки людей к господствующим в природе и обществе силам (представляемым часто фантастически), к прошлому и будущему, к таким явлениям человеческой жизни, как рождение, смерть, развитие личности, отношение человека к человеку⁷⁾. Данную точку зрения разделяет и А. К. Козырева. Только она считает, что в качестве установки выступает не вся вера полностью, а лишь ее часть, и именно та, которая определяется информацией и опытом. Та же ее часть, которая зависит от потребностей и интересов, способна нести функцию мотива и побудительного стимула деятельности субъекта⁸⁾. Данные утверждения о способности веры быть установкой подтверждают ту мысль, что вера зарождается на бессознательном уровне психической деятельности субъекта и может сама проявляться бессознательно.

В то же время необходимо добавить к сказанному следующее. Когда установка начинает осознаваться и выражаться в форме мотива, то эта форма не может быть никакой иной, кроме как языковой. Именно она и отличает психическое состояние человека от психического состояния животных. Вследствие этого вера, как и другие сознательные психические явления, в развитой форме должна быть выражена в языке. Иначе она не будет отличаться от привычки или от инстинктов, с которыми ее отождествлял Юм и которые имеются также и у животных. Но принимая языковую форму выражения, вера тем самым начинает лишаться своей изначальной целостности, полученной в недрах установки, и отделяется от знания, воли и оценки на всем этапе развития убеждения в форме мнения. В дальнейшем же она опять объединяется с ними в единое целое, но уже на уровне убеждения, особенно научного, которое, став собственным знанием для субъекта, влияет в свою очередь на создание его установок и на зарождение в них новой веры.

Корни как сознательных форм человеческой психики, так и установки следует искать в формах связи и приспособления, выработанных в процессе эволюции живых организмов. Примером наиболее устойчивых форм приспособления организма к среде являются врожденные программы поведения, т. е. инстинкты. Но уже они представляют собой не стереотипы, которые одинаково повторяются всеми особями вида, а способность, которая колеблется в наследственно фиксированных пределах для каждого вида. Правда, связь инстинктов с ситуацией еще не гибкая, что часто ведет к нелепости поведения в изменившихся условиях. Поэтому становится понятным огромное значение форм поведения, связанных с обучением и с индивидуальным опытом, приобретаемым на протяжении жизни. Такое поведение становится возможным при наличии индивидуальной памяти. Поскольку же событиям, кроме закономерной повторяемости, свойственна определенная степень несхожести,

⁷⁾ Э. В. Соколов. Элементы общественного сознания. «Философские науки», № 1, 1967, стр. 48.

⁸⁾ А. К. Козырева. Природа веры. Уч. зап. г-с. пед. ин-та им. Герцена. «Философские исследования», т. 365, Л., 1968, стр. 170.

постольку даже наличие памяти у индивида не делает его способным выбирать наилучший путь, т. е. отделять существенные черты явления от несущественных. Все поведение такого организма определяется только внутренним состоянием и наличными внешними стимулами. Это мало чем отличается от автоматического, так как выражает непосредственную связь между стимулом и реакцией. Носитель такого поведения продолжает оставаться рабом внешней среды и не проявляет своей внутренней активности. Поэтому в ходе эволюции в результате индивидуального опыта у живого организма вырабатывается способность как бы предвидеть результаты своего поведения, намечать цели и пути ее осуществления. Эту способность психологи называют опережающим отражением. Ее можно встретить уже у животных, но у человека она предстает в ином виде. Если животное проецирует в будущее то, что было в прошлом, мало видоизменяя его, то человек, обладая творческим воображением, представляет себе мир в какой-то степени измененным. В зависимости от своих потребностей он выбирает наиболее пригодную для себя ситуацию, наполняет свое поведение смыслом достижения определенной цели определенным путем и тем самым превращает свою физическую деятельность в психологическую. Именно на этом этапе развития психики появляется установка как еще неосознанное психическое состояние, уже заключающее в себе зачатки самых разнообразных сознательных состояний, в том числе и веры. Последняя постепенно развивается от чувственно-эмоциональной формы до абстрактно-идеологической, начиная принимать на достаточно осознанном уровне качество и форму убеждения. Иначе говоря, она меняет свою степень до тех пор, пока не изменяется ее качество. Причем, если в начале своего развития она движется под влиянием в основном потребностей и ситуации, то с приближением ее к абстрактно-идеологической форме на нее начинают оказывать влияние преимущественно опыт и знания.

Находясь под преимущественным влиянием ситуации, вера, будучи обращенной назад, выражается в форме уверенности, которая находится в непосредственной зависимости от памяти и от знаний, т. е. от опыта. Как утверждает А. К. Козырева, при уверенности, обусловленной опытом и знанием, сомнение и возможность влияния потребностей субъекта на ее формирование исключаются принудительностью факта и рациональными аргументами⁹⁾. Незнание последних, т. е. доказательств, приводит к возникновению неуверенности.

Как определенное психическое состояние вера, обоснованная опытом или рационально, фиксирует результат оценочной деятельности, хотя эта оценка может быть еще не ясно выраженной и даже не в форме суждения, а в форме восприятия. О том, что восприятие заключает в себе оценку только в зачаточном состоянии, так же как элемент осознания, говорит Б. А. Ерунов. Он приводит на этот счет удачное высказывание Барглитта, суть которого в следующем: «Перцепция является наиболее простой и в то же время наиболее фундаментальной из всех человеческих познавательных реакций. Но она чрезвычайно сложна. Она внутренне связана с воображением, ценностями и началом суждения»¹⁰⁾.

Так как восприятие является одной из первых форм проявления установки, в недрах которой зарождается вера, то сама направленность

⁹⁾ А. К. Козырева. Место и роль веры в процессе познавательной деятельности людей. XX Герценовские чтения. «Философия», Л., 1967, стр. 68.

¹⁰⁾ Цит.: Б. А. Ерунов. «Перцепция и мнение». XXI Герценовские чтения. «Философия», Л., 1968.

его уже свидетельствует о направленности веры по отношению к объекту как предмету удовлетворения определенной потребности. Обладание способностью нести в себе оценку делает веру прагматической категорией, которая, по словам Г. Клауса, имеет важное значение для оценки действительности слов, предложений и т. п. В этом качестве она принимает различную форму выражения, что находит отражение в ее степени. Именно потому, утверждает Г. Клаус, ее возможно классифицировать подобным образом: вера U_1 в предложение P_1 сильнее, чем вера U_2 в предложение P_2 и т. д. «Это объясняется фактом, — пишет он, — что языковые привычки и принятие суждений за истинные в конце концов объясняются материальной и духовной историей развития соответствующих индивидов, а не отношением между соответствующим суждением и индивидуумом или группой лиц»¹¹⁾. Таким образом, прошлый опыт оказывает большое влияние на степень уверенности субъекта и на его поведение в соответствии с ней. Причем данный опыт не сводится только к личному опыту, который всегда ограничен, а в период становления личности — особенно. В его состав включаются знания, полученные за счет усвоения и отбора общественного опыта через образование и воспитание. Но эффективность влияния последнего бывает достаточно высокой только при условии совпадения его с действительным жизненным опытом субъекта. Как правильно замечает Л. П. Буева, «если этого нет или это требование нарушается, то информация вообще не доходит до людей, не «выбирается» или игнорируется ими»¹²⁾. А это мешает возникновению уверенности, на базе которой строится деятельность субъекта и формируется вера, направленная вперед.

Будучи обращенной вперед к чувственно не данному объекту, такая вера предполагает будущую ситуацию, в которой намерен действовать субъект, ограниченной более или менее жестко, а степень вероятности успеха поведения весьма высокой. Поэтому поведение обладателя подобной веры вытекает из дифференцированной установки и носит характер волевого, что связано с учетом не только конечной цели, но прежде всего условий ее достижения. Подобная вера ориентируется лишь на сигнал высоковероятных событий и на решения, эффективность которых гарантирована опытом. Кроме того, следует заметить, что данная вера начинает зависеть не столько от потребностей (их влияние не прекращается даже в случае преимущественного влияния опыта и знания), сколько от интересов, выражающих избирательное отношение субъекта к средствам удовлетворения своих потребностей. Это объясняется тем, что потребности, будучи опосредствованными общественными отношениями, в которых, расширяя и повышая свой опыт, принимает участие субъект, становятся все более очеловеченными, менее личными, или субъективными и превращаются в определенную заинтересованность, переходящую, в свою очередь, в увлеченность и т. д.

В случае преимущественного влияния потребностей вера попадает в зависимость от информационной недостаточности, касающейся не только той ситуации, в которой она возникла, но и той, и даже прежде всего той, в которой субъекту придется действовать и которая моделируется им заранее. Поэтому, когда неопределенность будущей ситуации достаточно велика, главную роль в процессе развития веры играют воображение и фантазия. Воображаемый объект может быть представлен достаточно живо, образно и чувственно (как раз потому Юм и называл

¹¹⁾ Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 154.

¹²⁾ Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности. МГУ, 1968, стр. 216.

веру «живой идеей»), а информация о нем может считаться даже истиной, несмотря на то, что такого объекта нет. Как замечает Г. Клаус, такая вера поконит на допущениях, сделанных с целью восполнить пробелы в знании, которые не могут быть пока восполнены с помощью доказательств. Она способствует получению законченной системы знания, на основе которого строится деятельность субъекта. Ее отличие от знания заключается в том, что она опирается не на логические представления, не на доказательства, а на силу утверждения вербального выражения, вследствие чего она легко облачается в метафоры¹³⁾. Таким образом, если уверенность существует только при условии опытного или рационального ее обоснования и сопровождается достоверным знанием или положением в составе убеждения, то вера может существовать и без этих условий, соизмеряясь знанию в составе мнения или предположению в составе убеждения, содержание которых альтернативно и отражает случайное, вероятное. Но любая вера выражается в чувственно-эмоциональной форме. Если же вести речь о вере на уровне научных понятий, то можно согласиться с Раевским и Антоновым, которые среди оснований ее наряду с разумом, убежденностью и уверенностью в наличии детерминистических отношений, а также с действием других общих законов, очевидностью, интуицией, внушением и авторитетом отмечают и логическую доказательность высказываний, называя ее одним из главных оснований¹⁴⁾. Но, на наш взгляд, в этом случае легко происходит подмена понятия «убеждение» понятием «вера», которое из психологической категории превращается в гносеологическую. Хотя известно, что любое психическое состояние может быть изучено как с психологической, так и с гносеологической сторон, все же мы считаем, что для лучшего понимания понятия «убеждение» необходимо рассматривать веру как чувственно-эмоциональную категорию, как разновидность ценностного отношения и одну из оснований для готовности действовать, т. е. только в психологическом аспекте.

Возвращаясь к сказанному о вере, зависящей в основном от потребностей, следует заметить, что вера такого типа приобретает тенденцию к генерализации поиска, когда даже маловероятные сигналы имеют определенное значение. Иначе говоря, она способствует достаточности внутреннего поискового импульса, без которой не может быть самостоятельного решения жизненных проблем и конфликтов. Отсутствие же последнего приводит к резкому повышению внушаемости и к активности механизмов подражательного поведения, т. е. опять же к возникновению веры, но уже слепой и безвольной. Таким образом, с одной стороны, вера оказывает влияние на развитие воли, а с другой стороны, сама находится в зависимости от нее, ибо воля как «реакция на преграду»¹⁵⁾ дает дополнительно ту энергию, которая помогает вере становиться осознанной и входит в таком качестве в состав научного убеждения.

Находясь в зависимости от потребностей, вера направляется ими и сама в свою очередь ориентирует деятельность субъекта. Но не будь на ее пути преграды, например, в виде недостатка информации, она вряд ли могла бы оказывать на деятельность субъекта какое-либо влияние. Она лишилась бы своей связи с волей, перестав быть одним из видов ценностного отношения, и превратилась бы в непосредственную связь между стимулом и реакцией, с которой ее и пытаются отождествить, в частности, бихевиористы. Таким образом, вера, как и воля, воз-

¹³⁾ Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 152.

¹⁴⁾ А. Н. Раевский и А. В. Антонов. Психологические особенности информационного обслуживания и пути повышения его эффективности. Киев, 1967, стр. 45—48.

¹⁵⁾ П. Симонов. Предыстория воли. «Наука и жизнь», 1970, № 7, стр. 21—24.

никает и положительно действует на активность субъекта в случае преградной ситуации, создающей дополнительную необходимость выбора оптимального решения, его представления в виде модели и оценки ее, правильной мотивировки поведения и проверки решения практикой. Все это как раз и означает, что вера проявляется в процессе размышления и действия, для успешного протекания которых требуются как воображение, так и логическое мышление, во-первых, а во-вторых, согласованное взаимодействие как ситуации, поставляющей новую информацию и корректирующей деятельность, так и потребностей, определяющих выбор именно этих ситуаций и способа поведения, а не других.

При таком положении информация об объекте, по отношению к которому направлена вера, приобретает определенную значимость и ценность. Вокруг нее создается очаг оптимальной возбудимости в коре головного мозга, который и выступает психофизиологической основой различной по содержанию или по степени веры. Если кратковременное существование такого возбуждения приводит к возникновению ситуационной веры, то достаточно длительное и постоянное его сохранение и повторение кончается тем, что вера становится чертой личности, входит в ее структуру и определяет характер настроения, делая его оптимистическим. Подобное значение сигнального характера определенной информации, соответствующей потребностям и интересам, делает понятным тот факт, что даже ложная информация становится предметом веры субъекта, а истинная информация остается просто знанием и не используется субъектом в качестве средства преобразования действительности.

Таким образом, влияние информации на поведение субъекта зависит не только от того, истинна она или нет, и не столько от способностей субъекта, сколько и от того, предрасположен ли он считать ее истинной, т. е. от веры, рождающейся в недрах установки. Отсюда напрашивается вывод, что убеждениями субъекта могут стать лишь такие знания, которые приобретают лично для него какое-то значение в плане соответствия их потребностям и интересам. Поскольку же все потребности и интересы всегда социально детерминированы в той или иной степени, постольку и вера имеет определенную социальную ценность только в зависимости от их социального значения. В связи с этим и приобретает важность задача воспитания потребностей и интересов, а не только способностей субъекта. Следует согласиться с А. К. Козыревой в ее утверждении, что вера по своему происхождению, по своей генетической сущности социальна¹⁶⁾. Считаем мы правым и Г. Клауса, утверждающего, что вера и способы ее проявления субъективны, но подчиняются объективным законам, которые могут быть изучены¹⁷⁾.

Если ситуация не соответствует потребностям, то вера начинает затухать или же порождает несбыточные вымыслы и иллюзии, как, например, в религиозных убеждениях. Ключ к пониманию сказанного на примере религиозных убеждений мы находим в работах классиков марксизма. В частности, К. Маркс в работах «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права» раскрывает сущность подобного противоречия. По его словам, человек, не умея и не имея возможности удовлетворить потребности отыскания своей истинной сути на земле из-за господства над ним враждебных ему сил, из-за страха перед ними и из-за своего невежества, обращается с верой

¹⁶⁾ А. К. Козырева. Природа веры. Учен. зап. гос. пед. ин-та им. Герцена. «Философские исследования», т. 365, Л., 1969, стр. 170.

¹⁷⁾ Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 155.

к небу, отражая свое действительное положение в иллюзорной форме. Вследствие этого, утверждает Маркс, религия выступает непосредственным отражением бытия несовершенства, проявлением мирской ограниченности. Именно потому требование отказа от нее, от иллюзий о своем положении должно быть совмещено с требованием отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Таким образом, в религиозных убеждениях отражаются чуждые человеку природные и общественные силы, чуждые как непознанные еще разумом и не освоенные практически, а постулируемый в этих убеждениях объект и не существует вовсе. Несмотря на это, человек верит в него, представляет себе его в воображении, даже считает действительным, чувственно данным и вполне достижимым. Как выражается С. Лем, при таком положении реальные действия используются для достижения нереальной цели¹⁸⁾. Что касается нерелигиозной веры, зависящей от потребностей, которые в данной ситуации не могут быть удовлетворены, то можно сказать, что даже иллюзорная вера способна приносить иногда определенную пользу. Приводя к неудачам во внешнем поведении, т. е. будучи вредной для субъекта в социальном отношении, она в психологическом отношении может служить источником душевного равновесия, и данное свойство веры, как известно, широко используется в практике психотерапии. На это ее свойство указывал в свое время Гоббс. Говорится о нем и у Клауса. «Вера, — пишет он, — которая сознательно отказывается от всякого рационального обоснования, наилучшим образом служит душевному умиротворению индивида, но для научных исследований она не имеет ни малейшего эвристического значения»¹⁹⁾. Беспольность ее для познания признается и С. Лемом, который исходит из того, что всякое познание есть увеличение освоенной информации, а результат мистического самоуглубления — информационно нулевой²⁰⁾.

В связи со сказанным можно подчеркнуть, что религии нечего претендовать на место, которое занимает наука. Если ее вера сменит свой предмет, фантастический и иллюзорный, на объективно существующий и вполне реальный, то тем самым религия отрицает себя, превратившись попросту в эмоциональную, непосредственную, недостаточно еще осознанную форму отражения действительности. Будучи в свое время исторически необходимой и оправданной формой отражения «превратного мира», вследствие чего Маркс и называл ее «вздохом угнетенной твари», «сердцем бессердечного мира» (подчеркнуто нами. — Г. Ш.), религия в условиях социализма и коммунизма изживает себя, поскольку перестает отвечать потребностям. Религиозная вера уступает место научной, которая не обрекает человека на бездействие или на пустую растрату его сил, а способствует его познавательной, психологической и социальной активности. Именно поэтому расширение социальной связи субъекта наряду с образованием и воспитанием, организованными в определенном направлении, являются самыми действенными методами атенстической работы в условиях нашего общества.

Обусловленность веры самыми разнообразными факторами сказывается на ее характере, который раскрывается через свойства желаемости, безразличия, непосредственности, эмоциональности, согласия, ассоциативности, непротиворечивости, затухания, кратности, аналогии, кумулятивное свойство, свойство логического следования и

¹⁸⁾ С. Лем. Сумма технологий. М., 1968, стр. 155.

¹⁹⁾ Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 152.

²⁰⁾ С. Лем. Сумма технологий. М., 1968, стр. 157.

дифференциальное свойство силы. Указание на многие из них мы уже встречали у отдельных философов. В совокупности же эти свойства перечисляются советскими исследователями А. Н. Раевским и А. В. Антоновым²¹). С их точки зрения, суть данных свойств заключается в том, что, во-первых, человек больше склонен поверить в возможность приятного или полезного для него, чем безразличного. Иными словами, свойства желаемости и безразличия и отражают зависимость веры от желаний, т. е. от потребностей и интересов. Во-вторых, человек больше верит тому, что воспринимается им лично, непосредственно, ибо ему от природы не свойственно сомневаться в своих чувственных восприятиях. Именно потому некоторые философы, например Юм, ставили веру в один ряд с наличным впечатлением. В-третьих, на веру оказывает влияние согласие авторитетных лиц, вследствие чего можно заключить, для нее очень важны как общезначимость, так и авторитет (Локк, Кант). Кроме того, она зависит от эмоциональной насыщенности, сопутствующей тому или иному сообщению о ее предмете. В связи с этим Гоббс и Локк в целях формирования убеждений придавали большое значение образности изложения материала, а не только его содержанию. В-четвертых, вера субъекта в то или иное высказывание или явление и т. п. будет возрастать, если они станут связанными в одну логическую систему и не будут противоречить друг другу. Но она угасает, если ее предмет перестает проявлять себя или же постоянно меняет свои свойства и признаки (Юм). В-пятых, при схожести объектов познания вера с известного переносится на неизвестное, но аналогичное ему. Точно так же она переходит от исходной посылки логического суждения к выводу его и с тем большей силой, чем короче цепь логических доказательств и чем меньше вывод отличается от привычных для этой личности представлений. И, в-шестых, степень уверенности в чем-либо при всех прочих равных условиях пропорциональна числу фактов и т. п., послуживших основанием веры. Как замечают Раевский с Антоновым, данное кумулятивное свойство широко используется рекламными организациями. Но если такая вера столкнется с противоречивыми фактами, то она уменьшится соответственно убеждающей силе этого факта.

Таким образом, данные свойства лишней раз подтверждают тот факт, что вера в своем развитии подчиняется объективным закономерностям, вследствие чего может быть объяснена и изучена, в какой бы форме она ни проявлялась. А поэтому нет оснований сравнивать ее с «откровением» и ставить в зависимость от бога или от других сверхъестественных сил.

Кроме сказанного, необходимо остановиться еще на одном моменте, который характеризует веру с прагматической стороны. Суть его заключается в том, что если вера, опирающаяся в основном на знания и на опыт, выполняет роль лишь, как отмечает А. К. Козырева, «эмоционального сопроводителя опытного и рационального критерия истинности», то вера, руководствующаяся больше всего потребностями, отличается эмоциональной насыщенностью и способна выполнять функцию критерия достоверности»²²), о чем говорили в свое время Юм, Кант и другие и что может служить одним из гносеологических корней религии. Возможность существования подобного критерия обусловлена следующими обстоятельствами: в стремлении к чувственно не данному

²¹) А. Н. Раевский и А. В. Антонов. Психологические особенности информационного обслуживания и пути повышения его эффективности. Киев, 1967, стр. 51--53.

²²) А. К. Козырева. Место и роль веры в процессе познавательной деятельности людей. XX Герценовские чтения. «Философия», Л., 1967, стр. 70.

вера опирается на информацию, истинность которой не всегда может быть сразу обоснована, во-первых; для определения характера своей деятельности в отношении объектов, являющихся предметом удовлетворения потребностей субъекта, необходима уверенность в истинности или в ложности информации о них, во-вторых; для успешного протекания социальной деятельности людей, моментом которой является познавательный процесс, субъекты этой деятельности должны быть уверены в правильности ее направления. Таким образом, вера с прагматической стороны может быть не только стимулом и ориентиром поведения, выполнять коммуникативную функцию в процессе познания и общения людей, но и выступать в качестве субъективно-психологического критерия истинности знания, который все же, разумеется, должен проверяться объективным критерием.

О ценности веры как прагматической категории говорится и таким философом как Дж. Льюис, который, разоблачая несостоятельность скептицизма, противопоставляет ему философию диалектического материализма, способную по своей объективности и партийности не только указывать пути преобразования общества в интересах всего человечества, но и возрождать и поддерживать веру как в силу науки, так и человеческих способностей. «Наука, — пишет он, — дает нам в руки новые, невиданной силы средства как для определения человеческих целей, так и для борьбы за их осуществление. Мы и только мы несем ответственность за установление и изменение, за формирование и пересмотр целей человеческого прогресса. На место отброшенной нами догмы о непреодолимой «греховности, делающей прогресс невозможным», мы поставили веру в способность самих людей преобразовать свои общественные отношения и совместными усилиями достигнуть благ для человечества. На место представления, будто эгоизм — это неизлечимая болезнь, мы поставили убеждение, что человек должен понять и действительно довольно быстро приходит к решению, что благосостояние всего общества является необходимым условием развития всех его способностей. На место представления, будто мы находимся во власти иллюзии «преждевременного осуществления» цели, мы поставили утверждение безграничных перспектив бесконечного прогресса»²³). Таким образом, марксизм должен быть заинтересован не только в научном содержании своих суждений, теорий и т. п., в распространении своих идей среди масс, но и в поддержании веры в эти идеи, в их истинность и действенность, ибо только став близкими массам, их интересам и потребностям, они овладевают ими и превращаются в материальную силу. В этом смысле совершенно прав И. Кон, замечая, что никакая идеология не может существовать без веры в ее исходные ценности и символы²⁴).

Все сказанное о ценности веры с прагматической стороны позволяет заметить, что различие ее прагматических функций объясняется изменением предмета веры как в сторону его углубления и расширения, так и в сторону повышения его индивидуальной и социальной ценности для субъекта, изменением величины потребностей и интересов и их качества (в смысле развития их от индивидуальных, частных по содержанию и направленности до общественно-значимых), изменением носителя веры, приводящего к тому, что вера из психологической категории, выражающей состояние индивидуальной психики субъекта, превращается в социально-психологическую категорию, выражающую состояние обще-

²³) Дж. Льюис. Наука, вера и скептицизм. М., 1966, стр. 231.

²⁴) И. Кон. Размышления об американской интеллигенции. «Новый мир», 1968, № 1, стр. 188.

ственных чувств и потому уже рассматриваемую под углом зрения социальной психологии, общественного сознания, т. е. в социологическом аспекте. Иначе говоря, зависимость веры от самых различных компонентов приводит к изменению ее качественных характеристик и выполняемых ею функций, что и делает ее в свою очередь предметом исследования различных наук, во-первых, а во-вторых, объектом философского рассмотрения под самыми различными углами зрения. Мы же в заключение можем отметить, что исследование веры на разных уровнях ее развития представляет интерес уже потому, что, будучи составным компонентом убеждения, она оказывает влияние как на другие его компоненты, так и на убеждение в целом, позволяя ему выполнять самые различные роли, как-то: верования, мнения, научного убеждения и т. п., нести нравственную, мировоззренческую и другие функции. Именно она в числе других психических состояний создает возможность убеждению относиться к действительности не только как к объекту, не созерцательно, а субъективно, практически, деятельно, **целенаправленно и заинтересованно.**
